

Глава 1

В БОЙ ИДУТ ОДНИ ЧЕРПАКИ

Планета была пустынной и раскаленной. Дышать отважному первопроходцу космоса было нечем, но он старался. Очень старался. А что еще ему оставалось? Спасти его мог бы только верный спичечный коробок, но воспользоваться им не было ни малейшей возможности — сквозь запотевшие иллюминаторы просматривалась огромная зеленая туша местного чудовища. Монстр сотрясал окрестности громовым ревом. Окрестности послушно тряслись, покачивались и проявляли первые признаки морской болезни...

Рядовой Валетов попытался сглотнуть вязкую слюну. Не получилось. Страдающий от недостатка жидкости организм требовал воды и с негодованием отвергал теплую, пропахшую резиной замену. Однако какое-то действие этот неудавшийся глоток все-таки произвел: рев стал отчетливее, в нем даже различались слова. Часть из них явно имела русское происхождение, но не была внесена в большинство словарей. Однако всяческий смысл произносимого,

если он и был, надежно гасился двумя слоями резины и шумом в перегретой голове.

В отличие от своих подчиненных, лейтенант Мудрецкий стоял на плацу без противогаза и химзащиты. По этой печальной причине мощные речевые обороты, исторгаемые командиром отдельного мотострелкового батальона подполковником Стойлохряковым, доходили до лейтенантских ушей беспрепятственно. Левое ухо за последние полчаса несколько утратило чувствительность.

— ...И, вашу мать, такими рас... — Слышимость исчезла совсем, осталась одна видимость. Подполковник хлопал ртом, как вытасченный из воды карась. Нет, не бывает у карасей такого пуза. Скорее все-таки карп. Мудрецкий чуть тряхнул головой, в ухе щелкнуло, и звук опять включился на полную мощность: — ...Командовать в этой дыре!!!

Стойлохряков задохнулся, грозно выпучил глаза и утер трудовой пот с лоснящегося багрового лба. Перед ним тихо раскачивались под слабым летним ветерком прорезиненные фигуры с выпученными стеклянными глазами и решетчатыми рылами. Затея удалась на славу: новые противогазы раздавали здесь же, на плацу, и никто не успел выдрать клапан или вывинтить переговорную мембрану. Взвод химзащиты тихо варился в собственном поту и задышался по стойке «смирно».

— Ладно, сынки. — Комбат довольно ухмыльнулся и сменил гнев на милость: — Противогазы снять!

Над зеленью химзащиты взошли два десятка сол-

нышек — местами красных, а местами и бледно-сизых.

— Значит, так, бойцы. — Стойлохряков начал прохаживаться вдоль хрипящего и постанывающего строя. — Все вы тут грамотные, за международными новостями следите, даже за спортивными, — командирский взгляд впился в шатающегося Валетова. — Так что сейчас возьму самого умного, и пусть проведет с вами политзанятия по нынешнему положению! А чтобы вы не думали, что я тут ничего не знаю, расскажу вам все просто и по-человечески. Или кто-то хочет? Нет желающих? Ну, тогда радуйтесь, родина доверяет вам и в моем лице ставит боевую задачу. Боевую, я сказал!

«Чечня... — Мудрецкий почувствовал, что пот на спине не такой уж горячий, как казалось вначале. — Все-таки припомнили мне эти учения».

— Не бойтесь, на курортах Кавказа загорать не придется... — Телепат в погонах оскалился, увидев маскировочный зеленый оттенок на лицах подчиненных. — Хотя, может быть, еще попроситесь. А я, если буду добрый, соглашусь.

«Таджикистан? Нет, там сейчас вроде бы спокойно... — Лейтенант вдруг вспомнил, что комбат говорил о международном положении. — Неужели в Багдад пошлют?!»

— Вы у меня кто? Молчать, когда я разговариваю!!! — взъярился Стойлохряков. — Вы у меня взвод химзащиты, то есть должны защищать меня с батальоном от оружия массового поражения. Понятно? До всех дошло? Так вот, если кто еще не слышал, сейчас такое оружие находится в руках не только на-

ших вероятных союзников, но и террористов. Как отечественных, так и иностранных. Включая те страны, которые их поддерживают. Значит, что? Лейтенант, я вас спрашиваю, что это значит?

— Значит, могут применить, товарищ подполковник. — Мудрецкий немного подумал и добавил: — Или у нас, или рядом, но так, что достанут.

— Правильно мыслишь. И вот что мы будем делать, если они применяют, а у нас солдаты-химики только и умеют, что потешаться над своими боевыми товарищами? Ась, рядовой Валетов? Чего делать-то будем?

— Опозоримся, товарищ подполковник. — Фрол пожирал глазами начальство, словно голодный абориген каких-то островов свежезабитого английского мореплавателя Кука.

— Да хрен бы с вами, что вы опозоритесь, — зарычал Стойлохряков. — Вы меня опозорите, да так, что дальше... — Тут комбат вспомнил финал учений и махнул рукой: — Ладно, и не такое уже успели. В общем, слушайте боевой приказ!

Химики распрямились и перестали шататься.

— Приказом по Приволжскому военному округу за подписью генерал-лейтенанта Лычко ваш взвод, как особо отличившийся в ходе совместных учений, — комбат обвел тяжелым взглядом шеренгу, не нашел улыбок и продолжил: — Направляется для дальнейшего совершенствования боевой подготовки в длительную командировку.

— А как же дембель, товарищ подполковник? — жалобно взвыл кто-то старослужащий из середины строя.

— Хороший вопрос, — благосклонно кивнул Стойлохряков. — Приказ министра обороны мы ни отменять, ни приостанавливать не имеем права, поэтому товарищи дембеля могут спокойно спать в родной казарме. Точно так же мы должны оставить в расположении части всех, кто не прослужил у нас полгода. Так что в командировку поедут наиболее опытные бойцы во главе с командиром взвода. Товарищ лейтенант, к... — Комбат посмотрел на часы. — В общем, после обеда чтобы был в штабе со списком. Двенадцать человек, и среди них — младший сержант Простаков, ефрейтор Резинкин и рядовой Валетов. Обязательно. Генерал Лычко лично приказал. Еще вопросы есть?

— Товарищ подполковник, — негромко поинтересовался Мудрецкий, — а куда едем-то?!

— Радуйся, лейтенант, почти что домой поедешь! — Роба Стойлохрякова стала такой сладкой, что с ней можно было пить чай. Вприглядку. — Столица наших химвойск, чтоб ты знал, расположена на территории Саратовской области!

— Знаю... — На глазах изумленных солдат командир взвода побледнел так, что его шею невозможно стало отличить от новенькой подшивы. — Товарищ... комбат... — судорожно вздохнул Мудрецкий. — Может... Разрешите подать рапорт о переводе на Северный Кавказ?

— Не дожدهшься! — зарычало взбешенное начальство. — Раньше надо было, раньше! Я тебе предлагал? Предлагал! А теперь поздно! Иди служи, пиджак! Это тебе не в микроскоп на микробов любоваться!

* * *

Столица нашей великой державы, как известно, город Москва — по крайней мере сейчас, а за дальнейшее не поручусь. Столица российских космонавтов — Звездный городок, поскольку Байконур со всем хозяйством остался в сопредельном государстве. Столица нынешнего Военно-морского флота — небольшой городишко Североморск, чуть севернее Мурманска. Столица ракетчиков... ну, это вам знать не обязательно и вообще не имеет никакого отношения к нашему повествованию.

Есть своя столица и у героических войск радиационной, химической и биологической защиты. Расположена она действительно на территории Саратовской области, в укромной долинке Приволжской возвышенности...

Товарищ особист, товарищ особист! Ну что ж вы сразу за блокнот хватаетесь! Ничего секретного сейчас не будет, разве ж я не понимаю? Разве ж я подписку не давал? Все в порядке, и газеты об этом писали, и телевидение показывало, и даже международные организации туда наблюдателей посылают. Да, и «Гринпис», будь он неладен. И бен Ладен, гринзвездац ему, тоже знает. А если не знает, то догадывается. А если не догадывается, то все равно он такие книжки не читает.

Называется эта столица — Шиханы. Точнее, Шиханы-2, а военного адреса мы все равно не скажем. И слышал об этом месте любой житель Саратовской

области, а уж студент Саратовского университета — тем более. Тем более биолог.

Тем более закончивший военную кафедру. И слышал, несмотря на все секреты, столько, что при малейшей возможности выбора поедет в Чечню. Жить-то хочется...

* * *

Собирали и провожали командированных не то чтобы с музыкой, но почти всем батальоном. Бог его знает, чем и как встретят далекие и чужие Шиханы. Может, там и гуталин — кожно-нарывного действия... Огромную, килограммов на пять, жестяную банку сапожной радости от щедрот своих выставил не кто-нибудь, а лично прапорщик Евздрихин. Он же, скрипя зубами, выдавал отбывающим новенькое снаряжение. Уже не от щедрот, а по личному распоряжению товарища подполковника Стойлохрякова — дабы все химвойска видели, что даже последние раздолбаи в отдельном батальоне экипированы не хуже разведчиков. Скрипел прапорщик, чуть не плакал. Вот камуфляж, ни разу не надеванный, нулевой — а ведь кое-кому из этих дятлов уже четвертый за год меняют, это ж понимать нужно! Или вот десантные ранцы вместо вещмешков... ну, пусть не новые, но все-таки! Берцы вместо сапог — это уж совсем зря, в кирзачах-то по всяческой гадости бегать не то что быстрее, но уж точно безопаснее...

А самым обидным для Евздрихина было даже не расставание с ценным войсковым имуществом — ну,

не обеднеет он, не обеднеет, хотя и жалко дюжины комплектов. Обидно было, что стоял рядом с ним лейтенант Мудрецкий. Стоял и внимательно наблюдал, чтобы выдавал старый прапорщик положенное и не подсовывал ненужное. Мальчишка, пиджак, только-только научился портянки мотать, а туда же — проверять! Если бы нужно было прапорщику Евздрихину подсунуть в убывающую команду что-нибудь слишком уж завалывшееся — и не заметил бы лейтенант, как не в силах подсмотреть фокусник из сельской самодеятельности секреты великого мага Дэвида Копперфилда. Да и вообще, кто он такой, тот Копперфилд?! Подумаешь, вагон у него бесследно исчезает, так ведь появляется потом! Не-ет, дорогой, а ты этот вагон оприходуй, да еще так, чтобы не только исчезновения не заметили — не вспомнили бы, что он и на свете был...

«Господи, да убери ты куда-нибудь этого сопляка!» — взмолился прапорщик в глубине души своей. И случилось чудо — услышана была молитва, и явился ангел. В сиянии начищенных ботинок, в одеждах, пропыленных и пропеченных до неразличимости цвета маскировочных пятен, и в кепке с офицерской кокардой вместо нимба.

— Пошли, Юрец, — вздохнул ангел, сильно похожий на командира разведвзвода старшего лейтенанта Бекетова. — Комбат приказал тебе оружие выдать.

— Да я уже... — Мудрецкий хлопнул по приятно оттягивающей портупею кобуре.

— Так то ты, а то твои! Давай, давай, бери тех, кто уже с вещами, — и на выход! В смысле — в оружейку!

— Слушай, а зачем нам автоматы? — опешил Юра. — Мы ж не разведка, нам химзащиты и противогазов хватит...

— Ага, ага, и еще лопаты вам нужны. Зараженное дерьмо разгребать. — Бекетов ухмыльнулся. — Действовать будете в условиях, максимально приближенных к боевым. Так что получите, распишитесь и попробуйте только потерять по дороге!

— А если кто-нибудь отнимет? — высунулся из-под командирского локтя Валетов. — Вот наедут на нас какие-нибудь гоблины, и что тогда?

— Тогда, рядовой, досылаешь патрон в патронник и производишь предупредительный выстрел в голову, — разведчик оценивающе взглянул на низенького Фрола и добавил: — Хотя для начала можешь и в живот, тебе так удобнее будет. Еще вопросы?

— Слушай, так нам что, и патроны выдадут? — забеспокоился Мудрецкий.

— Пошли, пошли, сейчас ты у меня все получишь! — пообещал Бекетов и направился к оружейной комнате. За его спиной тревожно переглядывались посланные в командировку.

Через полчаса выдача оружия напоминала старую советскую комедию. Да не какую-нибудь, а любимую народом «Свадьбу в Малиновке».

— Это тебе, это тебе, это опять тебе, — приговаривал Бекетов, щедро одаряя химвзвод подсумками и пустыми магазинами. Рывком вытянул зеленый

ящик, щелкнул замками, полюбовался на аккуратные рядки гранат. — А вот снова все тебе. Приедешь, спишешь.

Ящик с грохотом откочевал в угол.

— Эй, эй, ты куда его! — потянулся было Мудрецкий.

— Куда, куда... Первый день служишь? Твои еще подорвутся с непривычки, а к нам проверка через две недели нагрянет. Что я, маскировочной сеткой им уху обеспечивать буду? Да не пыхти, комбат приказал. Так, теперь патроны... Это тебе, это мне. — Командир разведчиков по-братски поделил два цинка из следующего ящика.

— Тоже комбат приказал? — уныло поинтересовался Юра.

— Без приказа мы ни шагу, — кивнул Бекетов. — Дымшашки и прочую имитацию на месте получишь, у вас, химиков, этого добра всегда навалом. О, чуть не забыл! Стойлохряков сказал, чтобы каски взяли. И пяток бронезилов.

— Это еще зачем? Если мы едем туда, куда приказывали, то противогазов хватит... Ну, может, еще химзащита потребуется, — поправился Мудрецкий. — А броники нам на кой овощ таскать?

— В караулы ходить будете. Это вам не Чернодырье, где полсотни машин можно с одним пистолетом охранять. Лычко предупредил — охрана строгая, все по уставу, так что не забудь своим напомнить, что к чему. — Старший лейтенант задумчиво поглядел на железные шкафы. — Ручник еще, что ли? Нет, ребята, пулемет я вам не дам. Еще друг друга постреляе-

те. Ты вот что, цинк пока не открывай. Если в караул ходить, так вам на месте выдадут, а этот заначь. Мало ли чего твои раздолбаи учинят, они к оружию не привыкли. Понял? Ну, тогда все. Хотя погоди. — Бекетов пошарил в кармане и вытащил два картонных коробка. — Держи, это опять тебе. Пригодится.

Юра открыл один коробок и залюбовался аккуратными донцами пистолетных патронов.

— Это тебе от меня лично, — подмигнул старлей. — Неучтенка. Хочешь, постреляй, потренируйся, а то на вашей кафедре небось не приходилось.

— Ну, ты это зря, — обиделся за родной университет лейтенант Мудрецкий. — На сборах стреляли, перед присягой.

— И сколько? — усмехнулся разведчик.

— Три.

— Три раза?

— Три патрона, — не стал врать Юра и тяжело вздохнул. — Я один раз даже попал.

— Ну так ты у нас снайпер! — восхитился Бекетов. — Чего я со своими советами лезу? Ладно, пошли в штаб, товарищ комбат с тобой лично поговорить желает. Уточнить, так сказать, боевую задачу.

Подполковник Стойлохряков пребывал в благодушном настроении. Прихлебывал чаек с лимончиком и поглядывал на часы. До прощания с химиками оставались какие-то минуты. Ну, хорошо, пусть даже пара часов: много они за это время все равно не творят, разве что Валетов расстарается на прощание. Если успеет. А дальше... Дальше видно будет. Были у комбата кое-какие идеи, а самое главное —

были старые знакомые, которые вполне могут поспособствовать спокойной жизни отдельного батальона. Подполковник еще раз взглянул на лениво шевелящиеся стрелки и поставил стакан на стол.

— Значит, так, лейтенант... Выпьем на дорожку?

— Никак нет, товарищ подполковник. — Мудрецкий вздрогнул. — Рабочее время, да нам еще ехать, мало ли что... Мы же сегодня выезжаем, правильно?

— Правильно, — от удовольствия Стойлохряков даже на несколько секунд прикрыл глаза, как кот на солнышке. — Сегодня, в восемнадцать ноль-ноль... Это ж просто сказка какая-то!

— А как мы добираться будем?

— Своим ходом. Да не боись, не пешком! — Комбат гулко хохотнул. — Что я, зверь, что ли... Разбежитесь еще по дороге. Или имущество казенное потеряете, а мне за вас отвечай. Возьмешь «шишигу». И еще у меня к тебе пара вопросов, как раз насчет транспорта. Вот ты у меня уже год с лишним командир химвзвода — чего у тебя не хватает?

— Машины химразведки, товарищ подполковник, — четко отрапортовал Мудрецкий. — Я вам уже докладывал. То есть по документам она числится, но...

— Знаю, знаю, — отмахнулся Стойлохряков. — Этот «бобик» еще из Германии сюда в чужом кузове добирался. Так вот, можешь радоваться, Зарин-Зоманыч: в Шиханах тебя новая машина дожидается. У них в энзэ этого добра навалом, а наш все-таки списываем. Приборы тебе на учебные пособия отдадим, рацию в третью роту, а все остальное пусть Евздрихин забирает. На запчасти, если там еще что-то

целое осталось. Твоя задача — принять машину с полным комплектом, до последней лампочки, и в таком же виде пригнать ее в батальон.

— Сразу пригонять? — уточнил Юра. — Как только получим?

— Не сразу, — тяжело вздохнул подполковник. — Вам ее как учебную сначала выделяют. Так что ты у меня... Того... Чтобы твои дятлы ее не раздолбали за это время! Понял?

— Так точно...

— Вот и хорошо, вот и ладно. — Стойлохряков залпом допил чай, извлек из стола еще один стакан. С сомнением посмотрел на Мудрецкого. — Ты что, точно на посошок не выпьешь? Смотри, примета плохая!

— Если прикажете, товарищ подполковник, — выпью.

— Черт с тобой, приказываю, — из зеленой пластиковой «полторашки» с наклейкой «Спрайт» в стаканы полилась прозрачная жидкость. — Чему-то я тебя все-таки научил, пиджака домашнего... Ну, не дадим себе засохнуть!

* * *

За стеклами «шишиги» было черным-черно, и в этой черноте просверкивали капли дождя. Освещенный участок был только один — могучие ворота с мокрым двуглавым орлом. Как и положено всем птицам под дождем, орел выглядел взъерошенным и недовольным.

Вообще, доложу я вам, раскисать под мелким летним дождем — занятие не всегда и не для всех приятное. Особенно если этот душ принимается в первом часу ночи, не снимая одежды и натошак.

«Сегодня Стойлохряков не уснет, — думал лейтенант Мудрецкий, смахивая каплю с носа. С козырька фуражки тут же капнули сразу две. — Икота замучает. Стратег хренов, высчитал ведь, когда приедем. Говорил я ему — лучше утром ехать!»

Ситуация была из тех, что желают только закадычным врагам или горячо любимой теще. На секретный объект приехали никому здесь не известные солдаты, да еще и при оружии. Тот, кому по службе полагалось их встретить, мирно спит дома, и никто его тревожить не будет, это ясно. О звонке из Самары знал дежурный по части, но он, естественно, уже сменился. Нового не предупредили, это как пить дать. Прапорщик, главный начальник возле этих ворот, пропускать посторонних не намерен — спасибо, хоть круговую оборону не занял, вызвал по телефону дежурного. Двадцать минут назад тот пообещал приехать и разобраться. Ждем-с...

Стальная дверь в белой стене КПП приоткрылась, и в щель осторожно просунулось рыльце «калашника». Следом за автоматом показалась голова в каске. Часовой испуганно глянул на ночных гостей и тут же скрылся.

Еще через пять минут за воротами послышался знакомый шум уазовского мотора. Хлопнула дверца, донесся уставной рык «Смирно!» и тут же невнятная

скороговорка, в которой удалось разобрать только жалобное «товарищ майор, я не знаю...».

Дверь распахнулась, и под дождь со скоростью стартующей ракеты вылетели сначала часовой в каске и бронежилете, потом прапорщик, одной рукой придерживающий пятнистую кепку, а второй — место на туловище, этой кепке противоположное. Следом с медвежьей неторопливостью шагнул офицер в камуфляже, при красной повязке на рукаве и растянутой кобуре пистолета. На погонах тускло блеснули крупные звездочки — по одной на каждом плече.

— Кто тут мудацкий лейтенант? — сипло осведомился майор.

— Лейтенант Мудрецкий. — Юра обреченно шагнул навстречу дежурному. — Прибыл со взводом...

— Ты не мудри, лейтенант, — спаренные стволы майорских зрачков уставились несчастному командированному точно в переносицу. — Какой же ты не мудацкий, если, как черт алкашу, в такое время являешься! Ну вот кто тебя сюда послал, а?

— Подполковник Стойлохряков, командир отдельного...

— Кто-кто?! — Дежурный даже зажмурился и потряс головой.

Открыл глаза — назойливое привидение в промокшей плащ-накидке не исчезло.

— Какой еще Стойлохренов?!

— Стойлохряков, — поправил майора Юра. — Из Чернодырья.

— Я же говорю, товарищ майор, подозрительные

они какие-то! — донесся из темноты обиженный голос прапорщика.

Дежурный покрутил головой, словно его воротник неожиданно превратился в удава и решил помочь неизвестным террористам в проникновении на секретный объект. Зачем-то снял свою кепку, поглядел на кокарду, потом решительно водрузил головной убор на место.

— Значит, вот что, лейтенант... как тебя там? — Сипение перешло в раздраженный хрип. — Ты сейчас лезешь в машину и сидишь тихо-тихо, пока я звоню оперативному. Если у тебя хоть кто-то из кузова выпрыгнет или мотор фыркнет — мы тут предупредительных не делаем, служба такая. Все понял?

— Так точно, — уныло ответил Мудрецкий. — Разрешите идти?

— Иди, иди! — Майор пятился к двери, нервно поглаживая рукоятку «макарова». — И тихо сиди, понял? И фары выключи!

Лейтенант добрался до подножки, распахнул дверцу, нырнул в кабину.

— Ага, что, едем? — Дремавший Резинкин приподнял голову с руля. — Заводить?

— Я тебе заведу, резина драная! — заорал Мудрецкий, поглядывая через стекло на лоснящуюся каску часового. — Фары выруби и больше не шевелись!

— Понятно. — Двуглавый орел на воротах улетел в сырую мглу, и в кабине стало темно и тихо. Потом раздался глухой стук — голова ефрейтора Резинкина снова вошла в соприкосновение с пластиком баран-

ки. Несколько секунд Юрий таращился в законную черноту, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь, и в особенности — куда сейчас направлен автоматный ствол. Потом вспомнил еще об одной стороне этой проблемы и снова высунулся из кабины:

— Простаков! Эй, в кузове!

За отсыревшим брезентом тента завозились, звякнул металл. Кто-то обиженно взвыл и тут же затих. Гулкий бас разнесся по окрестностям секретного объекта:

— Что, приехали, товарищ лейтенант? Вылазим?

— Сидеть!!! — Суматошное клацанье затвора Мудрецкий почувствовал не барабанными перепонками, а похолодевшей спиной. — Никому из машины без приказа не высовываться! Брезент сзади опустить!

— А если по нужде, тогда как? — деловито поинтересовался кузов сонным голосом рядового Валетова.

— Прямо на дорогу! — рявкнул лейтенант. — Приоткройешь и вывесишь рабочую часть! Высунешь чуть дальше — отстрелят без предупреждения! Простаков, проследишь за всеми!

— Поня-ятно, — грустно пробасил сибиряк. — Эк серьезно тут у них...

Где-то в мокрой темноте облегченно вздохнули и клацнули металлом. «Предохранитель, — узнал звук Мудрецкий. — А жить-то, как говорится, хорошо... И чего я, дурак, на кафедре выеживался?» С университета мысли самым естественным образом переключились на дом... родителей... саратовские ули-

цы... «Тут ведь рукой подать, — в который раз за этот день подумал Юра. — Ну, пусть часа два в одну сторону... Надо будет что-то придумать. Это что же получится — до Саратова в три раза ближе, чем до Стойлохрякова, я тут сам над своей командой начальник, а...»

Приятные мысли были решительно прерваны скрежетом железа. В ночи засветился желтый прямоугольник с четким силуэтом посередине. Силуэт качнулся, приблизился к машине.

— Эй, Мудецкий! Жив еще? — донесся сиплый голос. — Давай заводи, поехали!

— Да куда ехать-то? — Обрадованный лейтенант принялся тормозить Резинкина. Водитель вяло отбивался и мычал, не покидая уютную баранку. — Я же тут не знаю ничего... Резинкин, подъем!!!

— А, чего надо? — Кабина содрогнулась от мощного удара. — Уй-йю, бли-ин! Нельзя же так пугать, товарищ лейтенант! Вот проломил бы я сейчас крышу, и потом бы не смог нормально водить машину.

— Это почему вдруг? — хмыкнул Мудрецкий. — Из-за сотрясения мозгов?

— Нет, не сотрясение, а вот была бы дырка, и мне бы дождь прямо на голову тек, глаза заливал. Ну как тут обеспечить безопасное вождение?

— Так, лейтенант, ты едешь или тут ночуешь? — Дежурный вскарабкался на подножку, втиснулся в кабину. — Ну-ка, подвинься, а то расселся, как твой хряк в стойле... Давай, давай, водила, запускай свой агрегат, я тут с вами спать не намерен! В следующий раз, лейтенант, если приезжаешь по приказу из ок-

руга, так и говори старшему по званию. Я что, всех подполковников в России знать должен? Подполковников в нашей армии много, а майор Маркин один на всех!

«Шишига» заскрипела, недовольно фыркнула и замолчала. Потом все-таки решила, что на дороге порядочные машины не ночуют, и уступила домогательствам стартера — заурчала, вздрогнула и завелась. Двуглавый орел перед фарами нехотя подался в сторону, открывая посторонним взглядам секретный асфальт между тускло белеющими полосами государственного бордюра. Майор сказал: «Поехали!» — и махнул рукой, показывая — куда именно. Впрочем, пока других вариантов и не намечалось. Под недовольный шум разбуженного кузова лейтенант Мудрецкий въехал в столицу войск химзащиты. Почетный эскорт следовал на некотором удалении позади — верный «УАЗ» дежурного двинулся за хозяином.

По обочинам дороги по стойке «смирно» выстроились тополя, толстые, как командир отдельного батальона, и выглядевшие почти по уставу — все в зеленых пятнах. Вот только никогда и никто не видел, скажем, того же подполковника Стойлохрякова в белых сапогах. А деревьям что, деревья возражать против нарушения формы одежды не могут. Даже если бы и захотели. Поскольку деревья здесь не сами по себе, а тоже на службе. Приказано побелить на метр от земли — и будут стоять побеленные. И ровно на метр, и пусть только попробуют фасон давить и комель в гармошку собирать! Кое-кто, видимо, все-та-

ки попробовал: в строю то и дело попадались свободные места. Даже пеньков не осталось.

Промелькнул плакат с суровым автоматчиком в каске, бдительно охранявшим огромный трехцветный флаг. Слева почти минуту тянулся бетонный забор высотой метров пять-шесть, нарядно поблескивавший по верхней кромке витками колючей проволоки. Справа где-то очень далеко просвечивали цепочки огоньков. Наконец Мудрецкий не выдержал и поинтересовался:

— Товарищ майор, а где же городок?

— Ишь, чего захотел, шпион проклятый! — радостно оскалился дежурный. — Сразу в городок ему! Может, вам еще и казарму отдельную выделить? Ничего, не лето, и в палатке поживете. Сейчас в учебный центр вас отвезу, там уже одни чудики отдыхают. Тоже начальство послало, будто, кроме нас, некуда. А городок — это за вторым периметром, туда вообще только по специальному пропуску. — Майор задумчиво почесал переносицу. — Вообще-то здесь тоже, но это мы и завтра выписать можем, а дальше без допуска — ни-ни, и думать не моги. Вот поговоришь с особистами, они тебя пощупают, послушают, подписку возьмут...

— Под что?! — ужаснулся Резинкин. Машина вильнула и противно заскрипела колесом по бордюроному камню.

— А вот заставлю завтра все белить от полигона до КПП, поймешь, под что, — грозно пообещал майор. — Ты смотри, куда едешь! По этой дороге, между прочим, то комиссии, то делегации катаются, а ты с

первого дня нам внешний вид портишь! Так, о чем это я?

— О палатке, — подсказал Мудрецкий. — Понимаете, мы думали, будем в казарме жить, так что палатку нам не выдали. Нас же не предупредил никто... И что теперь делать?

— Где я тебе палатку найду в два часа ночи? Вот утром вами займутся, тогда и выпрашивай, а пока так переночуете.

— Так ведь дождь! — возмутился Юра. — Как же под дождем в чистом поле ночевать? Может, тут хоть сарай какой-нибудь есть?

— Есть, есть, — утешил дежурный. — На полигоне целых три помещения свободных, никто не живет. Хотите, занимайте, если понравятся. Крыс-мышей нет, блох тоже. Даже тараканы не приживаются.

— А почему? Есть им там нечего, что ли?

— Дышать нечем, — пояснил майор. — Там каждую неделю кого-нибудь чем-нибудь окуривают. Запашок, конечно, густой, но зато крыша не протекает. Так что я бы лучше в машине заночевал. Эх, летеха, ты что, первый раз на выезде?

— Не первый, — с гордостью признался Юра. — Нас даже в тайгу с вертолетов выкидывали, на выживание.

— То-то я гляжу... Не иначе — без парашюта прыгали, — подозрительно покосился майор Маркин. — Ты где училище заканчивал, в Саратове?

— В Саратове, — кивнул Мудрецкий. Потом все-таки уточнил: — Только не училище, а военную кафедру.

— Что-о?! — Дежурный побледнел. — Так ты что... того... вообще пиджак?!

— Вообще, — гордо подтвердил Юра. — И зрение минус три, и язва. И ничего, уже больше года служу.

— Ну, это еще ладно. — Майор перевел дух и вытер пот со лба. — А то в прошлом году прислали нам одного, из Новосибирска, кажется. Месяц как в сапоги залез, тут не ему, тут с ним занятия проводить. Ну, и пришлось нам проводить — после того, как его бойцов с забора снимать пришлось.

— С какого забора? — деловито поинтересовался Юра. — С того, что проехали?

— Да нет, на тот по своей воле еще ни один солдат не полез, — пробормотал майор. — Ничего, еще узнаешь... Ты и сам учти, и бойцам своим передай — тут «самоходчиков» не бывает, на заборе городка колючка под током. Не то чтобы под сильным, убить не убьет, но скрючит запросто. Пока на пульте не отключат — штаны не отцепишь... Так, водила, здесь налево!

Асфальт закончился, началась грунтовка. «Шишигу» бросало и качало, как похмельного матроса. Из кузова доносились невнятные вопли — видимо, кто-то успел снова задремать.

— А сейчас развилочек будет, на нем направо... Здесь давай прямо, и на следующем перекрестке тоже. — Дежурный знал свою территорию намного лучше, чем Юра свою руку. Хотя дорог на полигоне оказалось не меньше, чем линий на ладони, и пересекались они не менее прихотливо. Опять-таки ночь, темно, и не видать ни хрена — никаких примет, никаких ориентиров. — Здесь налево поверни, и теперь

помедленнее — там яма на дороге, если нырнешь — без тягача не выдернем.

— Танковая колея поперек? — догадался Мудрецкий, вспомнив такую же рытвину возле парка родного батальона и свои страдания по дороге на первое дежурство.

— Она самая, — кивнул майор. — Вообще-то танки у нас тут не водятся, но и без них гусеничного добра хватает. Вот она, держись... О-оп, проехали!

В кабину донесли звуки солдатских упражнений по развитию легких и изучению русского языка. Можно было различить бас Простакова и тонкие завывания Валетова.

— Чего это они у тебя? Выйти захотели? — удивился майор. — Ничего, потерпят, скоро приедем. Вот сейчас налево, и потом по бетонке еще раз налево, а там я вам подыщу, где разместиться.

Бетонка, в отличие от парадного асфальта, оказалась изрядно побитой временем и проехавшей техникой. Справа вдоль нее тянулись какие-то невысокие сооружения — квадратные заборчики метра четыре на четыре, по колено в высоту. Ряды заборчиков терялись в ночном мраке. Засыпающий мозг Мудрецкого узнал в них что-то знакомое, но никак не мог определить, что же именно.

Фары высветили впереди зеленый караульный «грибок» и переминающуюся рядом с ним фигуру в странной пятнистой плащ-палатке. Укрыться от дождя под предназначенной для этого конструкцией часовой мог только сидя — ростом они с «грибком» были как раз вровень, — но часовому присаживать-

ся, как известно, не положено. Если он, конечно, не захочет сесть всерьез и надолго. А в том, что впереди был именно часовой, сомнений быть не могло — навстречу машине из-под полы показалось дуло автомата.

«Да что они здесь, вконец охренели от секретности?!» — молча возмутился Юра. Чернодырье, где автомат выдавался не каждому часовому и не на каждый пост, теперь казалось ему персональным раем для Льва Николаевича Толстого. Тот, если не врет школьная программа, как раз призывал к непротивлению злу насилием... Помнится, на учениях у Мудрецкого возник было вопрос — какого рожна гринписовские борцы за дружбу с природой протестуют на поле с мирными дымшашками, а не здесь вот, в зоне многолетних экологических кошмаров. Теперь этот вопрос как-то робко затих и уполз в сторонку.

— Ничего, ничего, привыкай, пиджак, — ободряюще хлопнул по лейтенантскому погону майор Маркин. — Через пару месяцев сам будешь на любого, кого здесь быть не должно, как на врага смотреть. А вот остался бы тут на пару лет — потом у своей жены пароль спрашивал бы, перед тем как в спальню пропустить. Есть у тебя жена?

— Была, — мрачно ответил Юра.

— Ну, дело молодое, потом еще найдешь. — Майор спрыгнул на бетон. — Пошли, с соседями познакомлю.

— Стой, кто идет? — рявкнул пятнистый гигант, но ствол все-таки опустил. Признал своих, стало быть.

— Дежурный по части майор Маркин. Командир спит?

— Так точно. Восемь?

— Пять, и сначала пароль спрашивай, а потом на вопросы отвечай. Наряд вне очереди, чтобы запомнил. А если бы я неправильно отозвался, что бы ты сейчас делал, боец?

— Есть наряд вне очереди, — уныло отозвался часовой. Потом обиженно проворчал: — Вот если бы ответили неправильно, я бы сейчас стрелял... Не, извиняюсь, уже рожок бы менял.

— Два наряда! Должен одним обойтись! Утром взводному доложишь, а сейчас не буди, пусть дрыхнет. Вот, лейтенант, с такими людьми тебе жить по соседству. — Майор повернулся к Мудрецкому. — Этих к нам вообще из другого ведомства прислали. Внутренним войскам тоже химия потребовалась, а то мало ли что и кого. Жить будете здесь. — Дежурный ткнул пальцем в ближайшие квадратные заборчики. — Когда палатки получите, конечно. А не понравится фундамент, выбирай другие, только чтобы от «гриба» недалеко и на одной линии.

Юра тихо застонал. Конечно же, фундаменты для палаток! Для армейских, восьмиместных, точно таких же, в каких военная кафедра на сборах размещалась! Вон, чуть дальше и сами шатры темнеют. Четыре штуки. Завтра, значит, надо получить палатки... И нары... И доски для настила... Черт, и что-то еще там было... Зайти, что ли, с утра к соседям да посмотреть, как это все здесь обустраивается?

— Ну, я с утра еще подъеду. Или пришлю кого-ни-